Глава 429: Тьма

Наследный принц был настоящим наследником места императора. Если бы у Великой Чжоу был наследный принц, то просто не было бы необходимости для конфликта между Ортодоксией и Божественной Императрицей достигать его текущей степени, и состояние континента было бы намного более стабильным - в действительности, у Великой Чжоу и правда однажды был наследный принц. Он был сыном Императора Сянь и Божественной Императрицы, и это был в точности Наследный Принц Чжаомин.

К сожалению, наследные принцы Великой Чжоу один за другим встретили плохой конец. После того, как Император Тайцзу основал страну, его наследный принц погиб трагической смертью в восстании в Саду Сотни Растений. Наследный принц, который был усердно обучен Императором Тайцзуном, тоже в конечном итоге был вовлечен в какую-то неописуемую конспирацию и был убит. Этот Наследный Принц Чжаомин тоже встретил довольно несчастный конец, но также можно было сказать, что он был относительно удачливым, потому что умер, когда был очень мал, а не был убит в подобной трагедии.

Вскоре после смерти Императора Сянь Наследный Принц Чжаомин умер от болезни в своем младенчестве.

Но никто не верил в это. Конечно же, никто не верил в это. Как мог союз крови Имперского клана и Божественной Императрицы произвести сына, который умер бы таким молодым?

В отношении причин смерти Наследного Принца Чжаомина были бесчисленные теории.

Была одна наиболее широко распространенная теория - тогда, когда Имперский клан Чэнь объединился с консервативной фракцией Ортодоксии, чтобы согнать Божественную Императрицу с престола императора, в той сокрушительной битве, когда Божественная Императрица и Поп получили окончательную победу, несколько сотен принцев и дворян Имперского клана Чэнь были либо убиты, либо изгнаны. В дополнение к этому, были убиты или ранены учителя и студенты Ортодоксальной Академии, пока не осталось почти никого, оставив позади покрытую инеем траву, сломанные колодцы и рухнувшие стены. Однако, Божественная Императрица тоже заплатила огромную сцену - в этом восстании Наследный Принц Чжаомин был отравлен до смерти врагами Божественной Императрицы.

Также была другая широко распространенная теория, но ее невозможно было услышать в чайных домах и тавернах. Лишь в темной ночи она изредка распространялась. Эта теория была еще более жестокой, еще более вызывающей.

Были некоторые люди, которые исподтишка настаивали, что несколько сотен лет назад, когда Божественная Императрица была изгнана из Имперского Дворца Императором Тайцзуном и проживала свои жалкие дни в Саду Сотни Растений, она узнала Попа и тогда-еще-Директоре Ортодоксальной Академии. От них она узнала секрет бросания вызова небесам и изменения судьбы. Она совершила клятву звездному небу, что в этой жизни было бы лучше, если бы ее родословная оборвалась, и благодаря этому бросила вызов небесам и изменила судьбу. Смерть Наследного Принца Чжаомина была проклятьем ее пренебрежения небесами и изменения ее судьбы, или, может, можно было сказать, что это был гнев небес... также было возможно, что это было действие, которое она совершила сама, чтобы завершить процесс изменения ее судьбы!

В этих темных слухах люди-рассказчики, как казалось, лично видели эту жуткую и кровавую сцену в Имперском Дворце, описывая все в живых деталях - как рука Божественной

Императрицы прошла через пеленки, достигнув того плачущего младенца. На ее красивом и величественном лице не было выражения, но одна слеза потекла из уголка ее глаза, а потом звуки плача постепенно затихли. Дворец был настолько умиротворенным в темноте, что это заставляло сердце биться в страхе.

Если это был гнев небес, приглашенный тем, что Божественная Императрица пошла против небес, чтобы изменить свою судьбу, что оставило ее без наследников и вынудило жить в одиночестве до самой смерти, то Небесное Дао и море звезд действительно были слишком бесчувственными и ужасающими. Если Божественная Императрица лично убила своего единственного сына, чтобы завершить процесс изменения ее судьбы, чтобы она могла жить на этом континенте в изоляции без кого-либо еще, то она действительно была слишком бесчувственной и ужасающей.

Какая бы это ни была теория, Наследный Принц Чжаомин уже был мертв, мертв из-за бездушной и ужасающей причины, мертв в очень несчастной и жалостливой манере. Впоследствии не было никого, кто посмел бы поднимать эту тему, включая Имперский клан Чэнь и Ортодоксию. Лишь тот безумный Лорд Ху из Имперского Совета Астрономии, даже после того, как Чжоу Тун вырвал все его ногти, продолжал заявлять миру своим наполненным кровью ртом, что Наследный Принц Чжаомин... не был мертв. А затем, как раз, когда Чжоу Тун собирался вырвать язык Лорда Ху, Божественная Императрица даровала ему милость, и позволила Лорду Ху вернуться домой для восстановления.

С точки зрения многих, это не было милостью, а виноватым сознанием, или, может, своего рода самоутешением. Что же произошло в Имперском Дворце в том году? Как же погиб Наследный Принц Чжаомин? Почему у Императрицы была виноватая совесть? Поэтому, эта жестокая и ужасающая теория распространялась больше и больше. Конечно же, это происходило в темной ночи.

Имперский Дворец был очень мирным ночью, но эта ночь начала лета была бесконечно холодной.

Главный евнух опустил голову, даже не смея смотреть на Божественную Императрицу.

Тихий двор в мгновение превратился в холодные заснеженные равнины. Не было признаков снежинок, но поверхность озера постепенно сформировала слой льда.

С единой мыслью Святой мог управлять небом и землей. Если они были в ярости, волны бушевали, а море было в смятении. Если их настроение было темным, покров ночи закрывал небо. Если их эмоции были удрученными и меланхоличными, то, естественно, начинался бесконечный ветер и снег.

Когда главный евнух почувствовал, что его море сознания вскоре замерзнет и расколется, вновь раздался голос Божественной Императрицы. Ее голос был очень спокойным и безразличным, как и вода в озере под покровом льда: «Все люди мира - мои сыновья. Принц из Сян (□) и Принц из Сян (□) - тоже мои сыновья. Смерть Чжаомина никогда не была важной».

Она никогда не была важной, так что она не была важной и в прошлом.

Главный евнух еще сильнее опустил голову, как будто он вот-вот коснется холодной поверхности земли. Он медленно начал отступать в темноту.

Снаружи сада медленно вышла черная коза, ее шерсть была блестяще черной, как нефрит. Она вышла из темноты, как будто несла часть темноты с собой.

Было ли все, скрытое тьмой, правдой? Тогда что насчет самой тьмы?

Божественная Императрица невыразительно взглянула на козу и спросила: «А что насчет тебя? Почему ты желаешь быть настолько близкой к нему? Кто же он?»

Сегодня была первая ночь Чэнь Чаншэна в Ортодоксальной Академии после его возвращения. Как и во все те предыдущие ночи, съев обед и пройдясь вокруг озера, он совершенно естественно вошел в библиотеку. Лоло вернулась во Дворец Ли, а Танг Тридцать Шесть все еще был в Мавзолее Книг. Сюаньюань По бил деревья, а Чжэсю все еще был в Тюрьме Чжоу. Он не знал, что еще делать, поэтому решил продолжать культивировать.

Звездный свет прошел через красочную траву, и снежинки прошли через редкие листочки, не останавливаясь на его одежде или коже, а прямо попадая в глубины его тела. Мантия снега на равнинах стала еще толще. Хотя озеро, окружающее его духовную гору, все еще было далеко от превращения в обширный океан, сила воды сейчас была намного больше. Каменная дверь Неземного Дворца в конце наклонных каменных ступенек в духовной горе уже была полностью открыта. Мягкий свет выстрелил из жилища и рассеялся по всей воде, давая очень умиротворенное ощущение.

В его текущем состоянии он, естественно, не был таким же запутанным, как ранее, считая, что звездный свет, который он поглощал, весь отправлялся в какое-то другое место. Он спокойно почувствовал, что его звезда была в далеком звездном небе, и прочувствовал изменения своего тела. Время медленно текло, и спустя некоторое время он открыл свои глаза, пробуждаясь от своего транса и начиная разбираться в своем росте за это время.

Когда он покинул Мавзолей Книг, он уже был на верхнем уровне Неземного Открытия. Встретив так много могущественных противников в Саду Чжоу и на пути обратно на юг, его сердце меча уже было полностью гармонизированным, а его культивация стала намного более стабильной, и он почти вскарабкался до пика Неземного Открытия. Добавив к этому, как долго он следовал за Су Ли, его владение мечом стало еще лучше. Учитывая это, можно было сказать, что он был несравненным среди всех культиваторов под стадией Конденсации Звезд. Если он встретит культиваторов начального уровня Конденсации Звезд, у него все еще будет шанс победы. Этот факт был весьма утешающим для него, но это вовсе не позволяло ему расслабиться, потому что он никогда не забывал ту часть тьмы.

Его время действительно не было избыточным. Даже если его можно считать быстрейшим человеком, который достиг пика Неземного Открытия, все еще было безграничное расстояние до Стадии Скрытой Божественности. Как много времени это потребует? Так что он абсолютно должен был ценить свое время - после завершения медитации, очищения и внутренней интроспекции он начал практиковать свое владение мечом.

Озеро и заснеженные равнины в его теле указывали на то, что он уже накопил невероятное количество истинной эссенции, далеко превзойдя культиваторов того же возраста. Проблема лежала в том, что его меридианы все еще были повреждены, и он не мог полностью использовать свою истинную эссенцию. Пылающий Меч, которому его обучил Су Ли, лишь мог помочь с частью этого. В дополнение к этому, цена, требуемая Пылающим Мечом, была слишком большой. С его текущим уровнем культивации он мог совершить не более трех ударов.

Более того, Пылающий Меч невозможно было практиковать; он повреждал тело. Интеллектуальный Меч тоже было невозможно практиковать; он повреждал разум. Он лишь мог практиковать Глупый Меч. Стоя на полу, он достал свой кинжал и обнажил его

горизонтально перед собой, непрерывно повторяя эту простую и сухую рутину. Это действительно выглядело довольно глупо.

Сделав это одну тысячу раз, он вновь сел, скрестив ноги, на полу, и направил духовное чувство в ножны.

Мир внутри ножен содержал десять тысяч поврежденных и сломанных мечей. Они мирно парили в том пространстве, не тревожа друг друга.

Эти мечи уже не обладали мощью, которая у них была, когда они впервые появились в Саду Чжоу. Однако, это были божественные мечи, чьи имена однажды сотрясали мир, и их намерения меча все еще были могущественными. Это на вид больше пространство давно было занято этими намерениями меча.

Прохождение его духовного чувства через десять тысяч намерений меча было в действительности очень опасной вещью, особенно потому, что в этот раз он не пытался контролировать эти десять тысяч мечей своим духовным чувством. Вместо этого, его духовное чувство вступало в прямой контакт с теми десятью тысячами намерений меча.

Он использовал намерения меча десяти тысяч мечей, чтобы оттачивать свое сердце меча.

В настоящее время он уже гармонировал со своим сердцем меча. Если бы это стало известно другим, это неизбежно вызвало бы ошеломленные крики восхищения, потому что это была невероятно трудная задача для совершения. Следующим шагом было зажжение сердца меча. И заставить сердце меча ярко сиять требовало слишком высокого таланта на пути меча. Если обыскать весь континент, лишь несколько редких людей обладали сердцами меча, которые были ярко зажженными.

Проблема была в этом: в последние несколько недель Чэнь Чаншэн встречал двух людей с ярко зажженными сердцами мечей - Су Ли и девушку по имени Чуцзянь - так что, естественно, для него было невозможным быть довольным этим.

Эти намерения мечей были точильным камнем, а его духовное чувство было острием меча. Иногда острое, а иногда тираническое намерение меча постоянно касалось, стиралось, и резало его духовное чувство.

Это была очень болезненная последовательность событий. Он закрыл глаза, и не было и капли пота, но его лицо постепенно становилось бледнее.

Края меча создавались лишь через непрерывное заострение, и лишь выдержав горькую зиму, цветения сливы давали прекрасный аромат. Не испытав бури, невозможно увидеть радуги.

Он думал об этих известных пословицах людей прошлого, выдерживая почти невообразимые страдания, пока духовное чувство, вошедшее в ножны, не становилось все более тонким и слабым, как будто оно могло рассеяться в любой миг...

Вдруг он почувствовал, что что-то, скрытое за десятком тысяч намерений меча, привлекало его духовное чувство.

Как только он ощутил эту притягивающую силу, духовное чувство, которое было тонким и слабым, и собиралось рассеяться, вдруг стабилизировалось и вернуло былую силу.

Его духовное чувство направилось сквозь десять тысяч намерений меча и медленно проделало

путь к далекой другой стороне.

Постепенно легкая лодка прошла десять тысяч тяжелых гор, и его духовное чувство наконец-то прибыло к берегу позади океана намерений меча.

Другой берег океана намерений меча оказался настоящим берегом. На берегу был черный каменный монолит. Не настоящий каменный монолит, а иллюзия.

Этот черный монолит был немного знакомым. Он казался просто куском темноты.

В тот миг, когда он увидел этот черный монолит, у Чэнь Чаншэна возникло определенное чувство. Эта иллюзия монолита должна быть дверью в другое место.

Какой мир будет на другой стороне черного монолита? Что лежало за темнотой? Внезапно он вспомнил, что причина того, почему этот черный монолит казался настолько знакомым, была не в том, что это была темнота, которую он видел каждую ночь, а потому, что черный монолит выглядел также, как и черный камень Вана Чжицэ, который он забрал из Павильона Линъянь, и был превращен обратно в Монолит Небесного Тома. Он выглядел в точности так же, как и Монолиты Небесных Томов, расставленные вокруг Мавзолея Чжоу.

Мог ли этот черный монолит вести в Сад Чжоу? Мог ли Сад Чжоу не быть уничтожен?

http://tl.rulate.ru/book/1222/113194